

УДК 811.161

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И «СВЕРХКОНЦЕПТОЛОГИЯ»

В. К. Харченко*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
wera_kharchenko@mail.ru*

Автор вводит понятие «сверхконцепта», анализируя на материале семейных родословных и разговорного дискурса такие концепты, как «сверхмногодетность», «сверхдолголетие», «сверхобучение». «Сверхконцептология» рассматривается как направление прикладной лингвистики в плане развития пассионарных качеств языковой личности.

Ключевые слова: концепт, многодетность, долголетие, пассионарный, семейные родословные.

Введение

Наиважнейшей задачей современной прикладной филологии, как представляется, может стать разработка оптимальных моделей воздействия на языковую личность, при этом процедура выстраивания таких моделей в идеале должна базироваться не только на словесной, но в большей степени на концептуальной, когнитивной основе, поэтому ключевым для интерпретации результатов настоящего исследования становится термин «концепт».

Интенсивное развитие современной лингвистической мыслью как дискурсологии, так и лингвокогнитивистики не может не вызывать восхищения. Отечественная лингвокогнитология продолжает отзеркаливать концептосферу языка, открывая всё новые векторы приложения исследовательского интереса.

В орбиту научного поиска попадают не только значимые, пафосные, этически нагруженные концепты: «правда», «совесть», «любовь», «труд» и др. (о концепте «труд» см., в частности, [1]), но и концепты более узкие, эмоционально нейтральные: «внимание», «касание», «путешествие» [2]. Современными отечественными учёными анализируются не только позитивные концепты: «дружба», «качество», «успех» [3], но и негативные: «зависть», «агрессия», «глупость», «обман», «воровство», «жадность» [4]. Лингвистически исследуются остро обсуждаемые в политике, весьма неоднозначные концепты, прежде всего, концепт «мультикультурализм» [5]. Описываются концепты, ядро которых образуют имена собственные: онимы: «Печорин», топонимы: «Петербург», «Москва». Продолжается выпуск антологии концептов, насчитывающей уже восемь изданий [6]. Усиливается интерес исследователей и к анализу концептосферы в целом, начавшийся с классической работы Д. С. Лихачева [7] и в настоящее время приведший к разработке, например, такого направления в изучении концептосферы языка, как динамическая лингвокультурология [8].

Представляя палитру состоявшихся исследований, говоря о концептах, мы, разумеется, в режиме лингвистики ведём речь об изучении вербализаторов, репрезентантов того или иного концепта.

И ещё одно уточнение. Мы говорим об исследовании всего того, что в языке уже представлено, то есть выделено, выражено, обозначено.

Основная часть

Теперь «опрокинем» вопрос: можно ли, помимо всего указанного, когнитивно исследовать то, чего в языке или ещё нет, или уже нет, можно ли когнитивно исследовать то, что в языке может или должно быть.

Здесь фундаментальная лингвистика соприкасается с практической, прикладной своей ипостасью. На постановку данного вопроса нас натолкнуло изучение лично собранного корпуса семейных родословных, насчитывающего уже около 1,5 тысяч единиц хранения [9]. В свободных сочинениях на тему «История моей семьи» чётко и системно просматривались некоторые исчезнувшие концепты. О некоторых из них мы писали ранее [10; 11], ещё не выделяя в качестве особого когнитивного феномена такого терминологического понятия, как «сверхконцепт» – не «мегаконцепт», не «макроконцепт», не «базовый

концепт» (под ними традиционно понимаются весьма объёмные, многослойные концепты, демонстрирующие объединение более частных концептов).

Под «сверхконцептом» будем понимать ментальное образование, реализация которого требует, с одной стороны, пассионарных стратегий поведения, максимальных усилий языковой личности, а с другой – требует особой, дополнительной, соответствующей, национально значимой поддержки со стороны различных дискурсивных практик.

Мы насчитываем пять таких когнитивных феноменов: сверхмногодетность, сверхдолголетие, сверхтерпение, сверхпрофессионализм, сверхобучение. Друг с другом они, разумеется, тесно взаимосвязаны: сверхмногодетность невозможна при дефиците сверхтерпения, сверхпрофессионализм есть следствие сверхобучения, сверхобучение предполагает сверхтерпение как обучаемого, так и обучающего. Возникает несколько вопросов: 1) открыт или конечен этот список; 2) насколько правомерно включать в этот перечень «печальные», «роковые» концепты, такие как сверхсмертность мужчин в России. Впрочем, подобную проблематику можно рассматривать и в общем контексте желаемого сверхдолголетия.

Говорящие часто используют сложные слова с первым компонентом «сверх» (сверхсложная задача), но при этом «имена» тех концептов, которые мы обозначили как сверхконцепты, в коллективном бессознательном будто бы отсутствуют. Прежде чем переходить к конкретике, рассмотрим, на каком основании, на какой «социально-гуманитарной» почве мы выстраиваем, «взрачиваем» упомянутые сверхконцепты.

Выделение «сверхконцептологии» весьма актуально в свете национального характера русского человека. С одной стороны, это свойственная ему биполярность мышления: «всё или ничего», «белое или чёрное», что раскрывает в своей книге Ю. М. Лотман [12]. Своеобразной лакмусовой бумажкой этого стали весьма часто цитируемые строки Алексея Толстого: «Коль любить, так без рассудку, / Коль грозить, так не на шутку...» или Н. В. Гоголя: «Да какой же русский не любит быстрой езды?». Но, с другой стороны, загадочным парадоксом выступает, тоже национальная, склонность к апатии, к упованию на власти предрержащие, перманентное обвинение обстоятельств, нежелание продолжать начатое, неумение завершать продолженное, нерадение заниматься обустройством жизни во круг, о чём писали психологи Р. Бистрицкас и Р. Кочюнас [13], публицисты, в частности В. Пьецух [14].

История знает немало примеров истребления целых слоёв населения, в первую очередь, как правило, элитных слоёв, то есть лучших людей, и сейчас задача формирования высшего слоя общества, национальной элиты стоит особенно остро. В барометрически чуткой художественной литературе последних лет наблюдается дефицит изображений героев, которые подчиняют себе обстоятельства, как, например, в романе Л. Жуховицкого (1969 г).

Женька был оптимистом, и я всегда удивлялся, что с возрастом оптимизма у нём не убывало. Он готов был хоть сто раз стучать кулаком в одну и ту же дверь, причём в сотый раз так же энергично и уверенно, как и в первый. Бывали случаи, когда он добивался своего через год, через полтора. Иногда не добивался – но такие дела он просто не считал конченными и упорно верил, что истина всё равно победит... (Л. Жуховицкий. «Остановиться, оглянуться...»).

Вычленение сверхконцептов актуально ещё и потому, что в современном сверхинформированном обществе удельный вес мифотворчества отнюдь не уменьшается. Появляются публикации о том, что наличие брата или сестры тормозит развитие ребёнка [15, с. 300], что экология сейчас такова, что долголетие нам только снится, что будущую профессию надо выбирать как можно ранее, дабы не учить лишнего, что главное не знать, а уметь находить информацию, что интерактивная доска – панацея в преподавании и т. д. и т. п.

В этой связи прикладная лингвистика вынуждена переводить альтернативные высказывания в тексты, будь то нарративы, семейное родословие, опубликованные сентенции. Приведём примеры сентенций из нашей картотеки: *Дети бодрят!; Если вы хорошо выглядите, значит правильно живёте! Мы стараемся выстрадать сегодняшний день, забывая, что жизнь может так крутануть!*

Лингвистика, обнаруживающая по крупицам исчезнувшие сверхконцепты и тем самым вызывающая к их реконструкции, открывает серию новых задач междисциплинар-

ного характера, что, однако, отнюдь не снимает важности и сугубо лингвистического анализа каждого из выделяемых сверхконцептов.

Итак, первый сверхконцепт – «сверхмногодетность», то есть десять и более детей в семье. В условиях демографического провала в цивилизованных обществах (кстати, в английском языке отсутствует и само слово «многодетность»!) этот концепт приобретает всё большую значимость, требуя анализа, языковой проработки, поскольку на языковом уровне сверхмногодетность сопровождалась и должна сопровождаться особыми формулами поддержки. Среди таких, сейчас слабо артикулируемых клише пословицы (Бог даст его, даст и на него; Крута гора – родины, да забывчива; Носи дитя, пока маленькое: вырастет – не поносишь), сентенции (После третьего ребёнка их уже не замечаешь!), нарративы – рассказы об аналогичных случаях, семьях, историях.

Прабабушка Анна, очень рано оставшись сиротой, вышла замуж в семнадцать лет. Ее никто не мог поэтому научить прясть и шить. За это ее была свекровь палкой. Родственники ее мужа ненавидели ее, сиротинушку. Они не давали ей денег на одежду и обувь, поэтому прабабушка Анна ходила загонять гусей зимой без обуви, голыми ногами по снегу. / Прабабушка Анна родила двенадцать детей, которые ей были опорой и единственной отрадой в ее жизни (О.В.Н.).

Мой дедушка раненый попал в госпиталь, где работала моя будущая бабушка. После выздоровления без обеих ног он не мог ехать домой, и его сопровождала медсестра Рая. Ей тогда всего лишь было 20 лет. Молоденькая, красивая, ничего еще не видевшая в жизни полюбила солдата без ног. Вышла за него замуж <...> Несмотря на все это она родила семерых детей: 4 сына и 3 дочери, вырастила, воспитала, дала им образование. Дочери замужем, сыновья женаты, есть внуки и правнучка – моя дочь (И.Б.).

Дед моей бабушки, со стороны отца, Овчаров Андрей Никитич был женат на крестьянке Вере. У них было 13 детей: Ирина, Матрена, Татьяна, Мария, Акулина, Анна, Елизавета, Тимофей, Федор, Прокофий, Иван, Василий, Семен (Л. А.).

Кстати, причиной повсеместного появления дворовых фамилий становился экстралингвистический фактор многодетности и сверхмногодетности, что обуславливало возникновение целых сел, жители которых носили одинаковую фамилию.

Сейчас в родном селе около десяти семей с фамилией Удовиченко, причем далеко не все родственники (У.А.В.). Вообще-то в селе Заячьем каждый второй носит фамилию Никулин (Н.А.). Прощаясь с Репяховкой, хочу сказать, что там и по сей день каждый четвертый двор – Семикопенко (С.Е.П.). Дедушка Резанов Василий Антонович родился в селе Новенькое Ивнянского района. В этом селе много многодетных семей по 5-10 детей. Фамилию Резановы носит половина села, там живет много наших дальних родственников (Р.Е.А.). А еще село тем замечательно, что почти все население его – по фамилии Чуевы. Так что все жители села – родственники, братья и сестры (П.Е.). Семья Русиновых активно разрасталась, и спустя несколько десятилетий она образовала целую деревню, которая называлась Русиново (Р.И.Н.).

Для текста родословных информация о тождестве фамилий в том или ином селе по идее не обязательна, однако имеет место, и вот почему. Тот факт, что человек может создать семью, не вызывает удивления в отличие от содержащихся в родословных фактов создания целого рода. Фрейм «человек – основатель рода» из коллективного бессознательного к настоящему времени выветрился, но родословные свидетельствуют о реальном его существовании в прошлом. Одна семья может создать «целую деревню» – сквозит не только в подтексте, но в самом тексте сочинений. Родословные дают возможность пронаблюдать и то, как фамилия (или имя) «автора» большой семьи со временем становилась топонимом. Многодетность, основательность, добротное хозяйство, авторитет главы рода запечатлевались не только в памяти потомков и земляков, но и в географических названиях, «географической памяти». Все вышесказанное может внести некоторые поправки в исследование происхождения названий деревень, часто приписываемых владельцу-помещику, а отнюдь не рядовому крестьянину – основателю рода.

Разработка такого сверхконцепта, как «сверхмногодетность», естественно, предполагает отнюдь не моножанровый, но полидискурсивный подход, опору на – увы! – пока не собранные максимы публицистического, художественного, религиозного, научно-популярного стиля.

Обесценивание сверхмногодетности постепенно привело к десятидетности, а потом и к уменьшению до 7 – 8 детей (таков уровень в России конца XIX в.) (А. Антонов). А книжные и телерадиосоветчики учат юных мамаш гигиене ребенка, учат, как с ними гулять, играть, то есть опять же учат давать ребенку, но не учат брать от него. Учат трудам материнства, но не учат радостям (Т. М. Афанасьева). В современных условиях дети по-прежнему эмоционально обогащают родителей. Однако для этого многим парам хватает и одного ребенка (Ю. Шишков). «Дети – продолжение и расширение нас...» (П. А. Флоренский.)

Второй «сверхконцепт», не менее актуальный, нежели предыдущий, – это концепт «сверхдолголетие» – достижение и превышение 90-летнего рубежа. Прабабушки, реже – прадедушки авторов семейных родословных при испытаниях раскулачиванием, голодом, войной, оккупацией, послевоенным голодом, работой за трудовни, потерей близких, в том числе детей, доживали до возрастного рубежа, который сейчас представляется недостижимым: 94 г., 96 л., 102 г.

Прапрабабушка награждена «Медалью материнства». Она умерла в возрасте 96 лет (А.А.К.). Он получал большую пенсию по тем временам, и мы, внуки, бессовестно пользовались его добротой. Его совершенно не интересовали деньги, он никогда не спрашивал, куда тратят его пенсию. Умер он легко в возрасте 99 лет, недотянув трех месяцев до столетия, в твердом уме и на своих ногах (А.В. К.); У моей прабабушки по отцовской линии Лисицкой Екатерины Григорьевны было двенадцать детей, но, несмотря на все трудности материнской доли, она прожила 98 лет. Я хорошо помню этого милого, всегда приветливого человека... (Н.Н.Н.).

Здесь подключается весомый арсенал сведений естественнонаучного характера и о том, что «клетка слышит», и о том, что отказ от долгосрочного планирования чреват «скукоживанием» земного бытия, и о ценности пассионарных стратегий. Лингвисту, филологу, однако, важнее обнаруживать, с одной стороны, «сюжеты», нарративы состоявшегося долголетия, а с другой – формы и формулы поддержки духовного и физического «самостояния» человека – языковой (подчеркнём: клетка слышит!) личности. Это может быть поговорки, афоризмы, цитаты.

«Счастье не по молодости, смерть не по старости»; «Умирает не старый, но поспелый», «Умирать собирайся, а крышу крой», «Мы все уходим слишком рано, не изжив своего земного образа, не осуществив себя до конца в деле, творчестве, любви, даже не осознав толком своего бытия. Наша смерть – это смерть детей, подростков, юношей, редко – взрослых людей, никогда – стариков, кроме редчайших исключений» (Ю. Нагибин. «Ты будешь жить...»).

Третий сверхконцепт – «сверхтерпение». Почти каждая родословная содержит пример личного героизма, подвижничества, и важно, чтобы такие примеры работали не только на потомков автора текста.

За малейшее неповиновение хозяин отправлял на двое-трое суток в подвал, где вода доходила до пояса. Ночи, проведенные в этом страшном подполье (об угнанных в Германию) не могли не сказаться на здоровье женщины. Через несколько лет после войны страшные раны начали появляться сначала на одной ноге, затем на второй. А потом была ампутация сначала одной ноги, а потом и второй. Так без ног и жила эта мужественная женщина, чем могла, помогала своей старшей сестре и ее семье. Жалко было смотреть на ее сухое маленькое тело, которое быстро перемещалось летом по огороду, чистоте и порядку грядок могли бы позавидовать селекционные станции (Е.П. К.).

Не раз молва людская хоронила его, но Валентина упорно шла в больницу, где он находился больше года. И болезнь отступила. В 1963 году родился еще один сын Юрий (Е.Б.К.).

День и ночь трудилась в колхозе с утра до ночи, после переезда в Волоконовку работала мастером засолки, была передовиком. Дома тоже никогда не сидела без дела, и по сей день шьет, прядет, вяжет. «Бывало, не дождусь, когда воскресенье кончится (работать грех), чтоб снова за дело взяться, – рассказывает бабушка. – Соседи пеняли: что ночами не спишь? У одной тебя на все село окошко светится!». Внуцата подрастают в связанных ею носочках, жилетках, варежках (Е.С. К.).

Об актуальности концепта «сверхтерпение» свидетельствует распространение в последние годы так называемого конфронтационно-невротического дискурса [16: 163-173], снимающего с носителя языка и культуры элементарное чувство личной ответственности за происходящее в его жизни и судьбе. Многолетние наблюдения над разговорными репликами, отражённые в электронной базе «Мозаика разговорной речи», свидетельствуют о не востребовавности самого слова «терпение» и о провале пословиц, сентенций, афоризмов и цитат с этим ключевым словом.

Четвёртый сверхконцепт – это концепт «сверхпрофессионализм», то есть достижение такой высоты овладения профессией, которая кажется недостижимой. В родословных нередко пишут о родственнике, например, механике, который по звуку машины догадывался о причине поломки, о печнике, талантливо рассчитывающем экономную и жаркую печь, пишут о знахарях, способных излечить едва ли не любую хворь.

О других прадедах сведений сохранилось не так много. По отцовской линии Тонких Денис Илларионович, отец моей бабушки Татьяны, был лучшим в Купино плотником. Окна, двери, нехитрую деревянную мебель делал для своих односельчан, был в почете у них всю жизнь (Д.Е.Б.).

Дедушка мой, Павел Иванович, работал кузнецом. Славный был мастер своего дела. На своей наковальне умел и лошадь добротню подковать, и красивые салазки ребятишкам сделать, а уж ограды для могилки такие вырисовывал из железа, будто не тяжелый молот, а волшебная палочка была у него в руках. За это дедушку все на хуторе очень уважали, называли его чудотворцем, брали содеянное им в руки и хвалы не было предела (П.Д.Б.).

А недавно он сделал тумбочку под телевизор. Трудился над ней почти два года, так как она вся с резными узорами, и все это он делал тонко и профессионально. Кто приходит в гости, всегда интересуется, где мы купили такую тумбочку, а, узнав, что ее сделал папа своими руками, просят сделать такую же им (Н.П.А.).

Любил очень технику и всегда держал ее чистой и в исправленном состоянии. Мама рассказывала, что когда его пригласили работать водителем в райисполком, возить председателя, то на его машину, на которой он работал на сахарном заводе, очередь выстроилась, каждый водитель считал за честь получить эту машину, так как техническое состояние ее было как у новенькой. Дедушка своим опытом делился, не тая никаких секретов. Дедушка и моего брата Андрея научил в десять лет управлять автомашиной, и, учась, еще в школе, брат помогал дедушке ремонтировать машину. А сейчас уже по слуху может определить, где и какая неисправность (Н.М.Г.).

Чем ближе к настоящему времени, тем меньше самих «производственных» фрагментов, что симптоматично. Профессии, достижения в них стали «закрытыми», тем более от потомков, выбирающих иную стезю. Здесь мы несколько расширяем зону поиска материала, привлекая записи разговорной речи и фрагментов биографического жанра.

[О враче санатория:] «Он меня всего обстукал – очень точно определил всё, без томографии!» (апр. 2011). [О враче на подводной лодке:] Отец рассказывал, как из-за того, что надо было противогаз всё время носить, он натёр себе на плече, началось воспаление, врач говорит: не буду на тебя наркоз тратить! И так вскрывал, а отец удивился, что и не так больно было. Так тот врач у кого-то из моряков по глазам определил, что глисты (февр. 2014). [О Н. В. Тимофееве-Ресовском] Преподавание занимало у него до пятидесяти восьми часов в неделю. То есть побольше девяти часов в день одного говорения. Из месяца в месяц. Такой нагрузки не выдерживал ни один преподаватель. Кое-кто пробовал за ним угнаться и быстро скисал. Он дразнил их: слабаки! недоноски! (Д. Гранин. Зубр).

Наконец, пятый сверхконцепт – это концепт «сверхобучение». Вариативность обучения, новые методики, технические возможности подчас перекрывают в сознании «рядового носителя языка», впрочем, не только «рядового», ценность проработки, дрессуры, достаточного объёма тренинга. Умение малолетки включить компьютер автоматически воспринимается как знак развития, успеха. Вместо глубины и основательности знаний возникает эффект скольжения по возможностям.

И напоминаю тебе: научись сперва прилежанию, а потом уже скорости (Леонардо да Винчи). Чтобы знания переросли в способности, нужно знать, что воспоминание и повторение забытого так же важно, как пробуждение от сна... Постоянно поражает то, что

тема, всесторонне изученная, при повторении воспринимается на более зрелом уровне (Ф. Карлгрен).

Принцип сверхобучения был использован в школе Бруно Бетельгейма и в Ортогенической школе Сони Шенкман при работе с трудными детьми. «Дело в том, что, поскольку учеба для этих детей сопряжена с большими психологическими трудностями, их знания очень неустойчивы. Сверхобучение означает сверхтщательную проработку материала. Учитель никуда не торопится, он переходит к новому материалу только тогда, когда старый абсолютно надежно усвоен. Сверхобучение – сверхнадежность. Конечно, оно требует от учителя особого искусства – подавать много раз одно и то же под разными соусами. Одну и ту же задачу дети решают в тетради, разыгрывают в лицах, рисуют, поют и т.д.» [17, с. 74].

В процитированной статье речь идёт о запущенных случаях, однако ситуация в современной школе такова, что на проработку материала времени на уроках почти не остаётся. Родители вынуждены или нанимать репетиторов или самими становиться репетиторами, в таком случае путеводной звездой и может стать идея сверхобучения, но эта идея когнитивно должна разрабатываться, изучаться, наполняться описанием механизмов, привлечением формул аутоподдержки, вызовами посостязаться с Востоком и Западом в плане настоящей учёбы. Не случайно такой резонанс вызвала статья в «Комсомольской правде», а теперь и книга Эмми Чуа, раскрывающая причины успеха в обучении [18].

Всё сказанное актуально. Идея, когниция сверхмногодетности в национальном сознании (и соответственно в структуре языковой личности) нужна, чтобы родить хотя бы на одного ребёнка больше ранее намеченного. Промысливание сверхдолголетия необходимо, чтобы полноценно прожить дольше «среднего показателя по стране». Сверхтерпение актуально, чтобы достойно принимать едва ли не ежедневные вызовы жизни и судьбы. Сверхпрофессионализм – чтобы за отчётами, показателями, рейтингами не упустить самого главного в профессии, стать профессионалом высокого класса. Наконец, под диктатом идеи сверхобучения актуально озаботиться тем, чтобы дети не только учились, но и выучивались, как некогда дворянские дети. Анастасия Цветаева в своих воспоминаниях подробно пишет, как изучали с сестрой языки, как решали задачи «в пятнадцать-двадцать действий», как вчитывались в классические тексты. «Мы видели только первые звёзды; когда над Ялтой опрокидывалось звёздное небо – мы уже спали: надо было рано вставать, повторять, повторять...» [19, с. 222].

Парадокс: сверхконцепты в структуре языковой личности нацелены на будущее, а вербализаторы, репрезентанты их – в прошлом, в семейном родословии. Вероника Нуркова, кандидат психологических наук (МГУ), излечивает людей, заставляя «работать с прошлым», расспрашивая о детстве. Оказывается, человек не должен все богатство судьбы сводить к одному какому-либо событию, прошлое его должно быть многовершинным, спасительным на разные случаи жизни. «Во-первых, прошлое должно быть как минимум доступно. Не надо от него загораживаться... Во-вторых, оно должно быть увидено как разнообразное, полное множества разных возможностей. Поэтому «гармоничные» отношения с прошлым – это умение извлекать из него конструктивные темы и смыслы. Так его использовать, чтобы оно могло исполнять как можно больше функций» [20, с. 80]. О том, что у человека весьма непростые отношения складываются с собственным прошлым, писал в своей поэме «Валя» С. Н. Сергеев-Ценский: «Каждый человек более или менее плотно сидит в сундуке своего прошлого – сундуке сложном, со множеством ходов и выходов, дверок и дверей, и вынуть его из этого вместилища – иногда большой, иногда невозможный труд».

Дополнительным свидетельством возможности использования семейных родословных с уникальностью их сюжетов в качестве средства и утешения, и разработки пассивных стратегий языковой личности может служить идея изоморфизма. «Если оптимизм утешающего в отношении перспективы базируется на личном опыте и исходит из наложения на существующую ситуацию других, сходных с ней ситуаций, которые в свое время благополучно разрешились, то мы имеем дело со стратегией изоморфизма. <...> В качестве контекста для составления метафоры могут быть использованы эпизоды из жизни как самого утешающего, так и из жизни других людей, являющихся достаточно авторитетными для утешаемого» [21, с. 35 – 36]. На наш взгляд, однако, степень авторитетности аналога не так важна, как важен сам факт переживания подобного и даже худшего. Вот

почему сюжетики семейных родословных может дать дополнительный ценный материал, в том числе, и для задач нейролингвистического программирования.

Выводы

1. Теория языковой личности предполагает исследование и индивидуальной, и общенациональной специфики иерархии концептов в сознании носителей языка. Некоторые черты национального менталитета, прежде всего так называемая «бинарность мышления», отражают и соответственно позволяют выделить группу концептов, репрезентантами которых являются абстрактные имена существительные с префиксоидом «сверх»-. Полагаем, вербализацию подобных концептов в языке может исследовать отдельный, особый раздел лингвокогнитологии, который можно условно, в рабочем варианте обозначить как сверхкогнитология.

2. Группу концептов в рамках заявленного направления образуют такие концепты, как «сверхмногодетность», «сверхдолголетие», «сверхпрофессионализм», «сверхобучение» и под.

3. Выявление репрезентантов подобных концептов может осуществляться теоретически в самых различных дискурсах: художественном, публицистическом, научном, политическом, эпистолярном, однако большую значимость при выявлении и исследовании сверхконцептов приобретают такие дискурсы, как родословный, мемуарный, разговорный. Исследование семейных родословных, собственно, и подвело автора к выделению сверхконцептов не как единичных феноменов, но как регулярных, системных в национальном сознании.

4. Каждый «сверхконцепт», помимо, естественно, своих вербализаторов, репрезентантов, имел развитую «инфраструктуру», языковую поддержку, например, поддержку через пословичный фонд многодетности, долголетия.

5. Полагаем, что сверхкогнитология имеет важное прикладное значение, поскольку реально существовавшие, хотя и выделяемые, как правило, *post factum*, прежде всего на материале семейного родословия, концепты могут срабатывать как образцы (долголетия, профессионализма, обучения, etc.), поддерживающие пассионарное начало языковой личности.

Список литературы

1. Токарев Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: Дис. ...д-ра филол. наук. / Г. В. Токарев. – Волгоград, 2003. – 472 с.
2. Шевченко Е. М. Вербализация концепта «путешествие» фразеологическими единицами современного английского языка: Дис. ...канд. филол. наук / Е. М. Шевченко. – Белгород, 2009. – 182 с.
3. Машковой Е. В. Репрезентация фрейма «достижение успеха» глагольными лексемами современного английского языка: Дис. ...канд. филол. наук / Е. В. Машкова. – Белгород, 2010. – 193 с.
4. Клевцова В. М. Репрезентация концепта «greed» (жадность) в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук / В. М. Клевцова. – Белгород, 2009. – 174 с.
5. Костина Д. М. Концепт «multiculturalism» в системе британских культурных ценностей и особенности его вербальной репрезентации в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук / Д. М. Клевцова. – Белгород, 2012. – 180 с.
6. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Перемена, 2005. – Т.1. – 352 с.; Т.2. – 356 с.
7. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
8. Кушнер О. Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX – XXI вв.: вопросы динамической лингвокультурологии: Дис. д-ра филол. наук / О. Н. Кушнер. – Тверь, 2013. – 407 с.
9. Харченко В. К. Личный архив семейных родословных: В 30-ти томах. – Белгород, 2013.
10. Харченко В. К. «Минус-когнитология», или Исчезновение концептов как вызов современной отечественной социолонгвистике / В. К. Харченко // Культурные концепты в языке и тексте: Сб. научн. тр. – Вып. 2. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 33–41.
11. Харченко В. К. Концепты: исчезающие, исчезающие, не существовавшие / В. К. Харченко // Colloquium – 2007: Международный сб. научн. трудов: Bergamo-Belgorod, 2007. – С. 206–220.
12. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман – М.: Гнозис: Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
13. Бистрицкас Р., Кочюнас Р. homo Sovietikus или Homo Sapiens / Р. Бистрицкас, Р. Кочюнас // Знание – сила. – 1995. – № 8. – С. 46–49.

14. Пьецух В. Письма из деревни / В. Пьецух // Октябрь, 2001, № 11. – С. 107 – 145; Пьецух В. День писателя: Рассказ / В. Пьецух // Новый мир. – 1999. – № 4. – С. 49 – 63; Пьецух В. Дневник читателя / В. Пьецух // Октябрь. – 1999. – № 11. – С. 104 – 131.
15. Доброва Г. Р. Вариативность речевого развития детей в зависимости от наличия/отсутствия у них старшего сиблинга / Г. Р. Доброва // Проблемы онтолингвистики – 2013: Материалы междунар. научн. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – С.300 – 306.
16. Большев А. О. Наука ненависти / А. О. Большев // Нева. – 2012. – № 4. – С. 163 – 173.
17. Максимов М. Только любовь... Не мало ли? / М. Максимов // Знание – сила. – 1987. – № 7. – С. 71 – 77.
18. Эми Чуа. Боевой гимн матери-тигрицы / Эми Чуа. – М.: Corrus, 2013. – 115 с.
19. Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2. / А. Цветаева – М.: Советский писатель, 1974. – 544 с.
20. Балла О. Искусство памяти: личная версия / О. Балла // Знание – сила. – 2004. – № 10. – С. 78 – 82.
21. Ханский О. А. Вербальное утешение. Пособие для студентов по спецкурсам гуманитарных дисциплин / О. А. Ханский. – Тверь: Изд-во ГЕРС, 2001. – 80 с.

LINGUISTIC PERSONALITY AND «SUPER-CONCEPTOLOGY»

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
vera_kharchenko@mail.ru*

The author introduces the term “superconcept” to analyze the concepts “super-large family”, “super-longevity”, “super-teaching”. “Super-conceptology” is described as a branch of applied linguistics in the sense of passionarity development of linguistic personality.

Keywords: concept, large family, longevity, passionarity, family history.